

АНАТОЛИЙ ТОРКУНОВ

РЕКТОР МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА, АКАДЕМИК РАН, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ РАССКАЗАЛ «АЭРОФЛОТ PREMIUM» ОБ ИСКУССТВЕ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА, О ПОЛЬЗЕ ПРАГМАТИЗМА И О ТОМ, ЧЕМУ УЧАТ ТОЛЬКО В ИНСТИТУТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

беседовал ИГНАТ САХАРОВ

Что главное в дипломатической работе – талант и интуиция или знание некоей технологии?

Конечно, талант и интуиция. Талант и интуиция вообще в любом деле самое главное. Но без знания неких правил, хотя бы их основ, тоже нельзя идти на дипломатическую службу. Поскольку есть веками уже устоявшиеся правила.

Первую часть вы как-то развиваете в студентах? Возможно ли вообще как-то это развивать?

Возможно. Несомненно. И есть для этого даже специальные курсы. Долгое время у нас был, например, курс «альтернативной» истории – когда тот или иной процесс рассматривался в контексте вариативности, как он мог бы развиваться.

То самое сослагательное наклонение?

Да. Очень полезно студентам на эту тему порассуждать. У нас вообще очень развиты игры, симуляции. Моделируем ООН, Совет Европы. Поэтому у студентов есть возможность повоображать себя в той или иной роли.

Конфликты присутствуют?

Да, вот модель ООН только что прошла, там много было в том числе и конфликтных сюжетов. Есть сюжеты исторически уже сложившиеся, такие как ситуация на Ближнем Востоке или корейский вопрос. Но есть и сюжеты не так давно возникшие, они тоже являются предметом обсуждения.

Насколько важно ездить в некую страну, чтобы понять, что там на самом деле происходит? Можно ли составить представление по информации, полученной из СМИ и от специалистов?

Очень важно бывать в стране, чтобы хорошо разбираться в ней. Поэтому у нас есть целая программа, которую поддерживают в том числе наши спонсоры из бывших выпускников – Усманов, Потанин, Шодиев и другие. Эта программа предполагает поездки студентов за рубеж как для изучения языка, так и для участия в разных конкурсах. И наши команды добиваются там неплохих результатов. Скажем, в Вашингтоне на конкурсе по международному праву наша команда вошла в пятерку, хотя там принимало участие 130 университетов.

Есть какой-то эксклюзивный набор навыков от МГИМО, которым вы стараетесь научить непременно и которым не учат другие вузы?

Я бы сказал, что наша эксклюзивность выражается в первую очередь в хорошем знании иностранных языков. Но не просто иностранных языков, а языка специальности. Вот этому, пожалуй, на нашем уровне никто больше не учит. Мы, может, где-то отстаем от того же юрфака МГУ, например, в части теории или каких-то специальных дисциплин. Но это связано с тем, что у наших студентов порядка 14–16 часов в неделю отводится занятиям иностранными языками.

Это огромное количество времени.

Огромное, да. И поскольку приходит часть студентов с приличным общим языком, то есть говорить более-менее могут, кафедры сразу сосредотачиваются на специальном языке – юридическом, экономическом, финансовом, энергетическом. И в той конкурентной среде, которая сегодня складывается, выпускники МГИМО часто получают выгодные рабочие места именно потому, что побеждают в этой сфере.

У ваших выпускников, насколько я себе представляю, задача даже не в том, чтобы >>

понимать, о чем речь, а в том, чтобы в это время обдумывать свой ответ, который при этом должен быть не слишком откровенным.
 Да, конечно. Переговорный процесс становится более сложным во всех сферах, не только в дипломатической. Хотя бы потому, что переговорщики имеют возможность в реальном времени получать дополнительную информацию благодаря возможностям, которые дает современная электроника. И конечно, это требует совсем иной подготовки, чем раньше. Здесь уже

МГИМО – ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ ВУЗ, В КОТОРОМ ПРЕПОДАЕТСЯ 53 ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКА. И ПОКА НАС НИКТО НЕ ОБОШЕЛ

и блефовать нельзя, и придумать что-то не получится. Ведь все можно проверить буквально сразу, на ходу. Конечно, неприлично прямо на переговорах перепроверять собеседника, но можно же всегда выйти водички попить. И когда весь этот процесс идет, важно не тратить дополнительного времени, чтобы в голове сформулировать мысль на иностранном языке. Именно поэтому мы единственный в мире вуз, в котором преподается 53 (!) иностранных языка. Мы с этим даже попали в Книгу рекордов Гиннеса, и пока что нас никто не обошел.

Работа дипломата осталась престижной, но по сравнению с советскими временами она стала не так выгодна с материальной

точки зрения. Вы не сталкиваетесь с недостатком у студентов мотивации к тому, чтобы работать на дипслужбе после института?

Ну, во-первых, университет большой и на дипслужбе в любом случае оказывается небольшая часть выпускников. И это естественно, потому что дипломатическая служба связана с определенными ограничениями, которые не всем по нраву. Это и дисциплина соответствующая...

И дресс-код!

Да, и готовность поехать не только в Хорватию, на море, или в Италию, развалины посмотреть, но и, например, в Центральную Африку, где жарко и насекомые всякие неприятные летают.

И пожить там лет пять.

Ну, в Африке обычно три-четыре, но это тоже часть жизни. Но я считаю, что дипслужба сегодня отличается от прежней – тем, что сейчас рост намного быстрее. В наше время считалось, что в 30 лет стать первым секретарем – это достижение. А сейчас много ребят до 30 в таких должностях уже работают. И в целом дипслужба помолодела. Так что здесь есть свои вызовы, но есть и преимущества. Да и зарплата сейчас более-менее приличная, и руководство думает о том, как условия жизни для дипломатов улучшить.

Каким должно быть в правильном дипломате соотношение цинизма и идеализма?

Видите ли, это смотря что понимать под цинизмом. Я считаю, что в дипломатии должен быть прагматизм. Если считать, что цинизм и прагматизм – это равновесные понятия, тогда я бы сказал, что доля цинизма должна быть. Но я все-таки назвал бы это прагматизмом. Идеализм тоже должен быть, конечно. И он должен включать в себя понимание того, что вы страну представляете.

Спросил про цинизм и вспомнил эти истории с утечками. Когда речи дипломатов в частной беседе сильно отличаются от того, что они заявляют на публике.

Ну мы же с вами тоже никогда не позволим себе в обществе нецензурных выражений, правда? Но мы тем не менее себе их позволяем, когда с мужчинами пиво пьем. Это просто новая реальность. Никто никогда не предполагал, что частный разговор не просто будет прослушиваться – это дипломаты всегда предполагают, – но что он будет еще и обнародоваться. И это просто надо принять во внимание и сделать для себя выводы. >>

Возможно, если бы произошли утечки разговоров Чичерина или Киссинджера, примерно такие же выражения там присутствовали бы.

Мы по мемуарам знаем, что многие известные дипломаты любили сильное словцо. Но в целом я бы сказал, что это нетипично для дипломатов.

Опять же про Киссинджера. Как вы относитесь к мысли, что дипломатия – это продолжение войны другими средствами?

Дипломатия – это искусство компромисса, помимо всего прочего. Позиция может быть сначала очень жесткой, потом трансформироваться в ходе перегово-

РЕШАЯ СТАТЬ ДИПЛОМАТОМ, ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ПОНИМАТЬ, ЧТО ЭТО ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА БУДЕТ КОМФОРТНО

ров. А иногда и жесткость помогает выйти из кризисной ситуации. Нет однозначного ответа, я думаю. Другое дело, что по человеческим качествам иногда не просто мягкому человеку занимать некую arrogantную позицию. Но в этом и есть искусство дипломатии, чтобы сочетать в себе мягкость и жесткость.

У дипломатов, как у всех профессионалов, есть международное сообщество. Когда приходится излагать некую позицию, непопулярную в других странах, не возникает дискомфорта при общении с иностранными коллегами?

Я считаю, хороший пример – Анатолий Федорович Добрынин, бывший наш посол в США, который имел массу друзей среди американцев, они бывали у него дома. Он мог быть совершенно обаятельным, милым человеком, но, когда дело касалось интересов государства, мог быть и очень жестким. Другое дело, что личные отношения помогли ему нивелировать эту жесткость. Это то, о чем я говорил: когда человек решает для себя, что пойдет по дипломатической линии, он должен понимать, что это далеко не всегда будет комфортно.

У вас в силу карьеры наверняка должна быть привычка к протоколу. Она стала частью натуры или иногда отвлекаетесь?

Нет, конечно, протокол не стал привычкой. Я не считаю, что надо быть все время в застегнутом мундире.

То есть в характер это не проникает? Не то чтобы дома вы переодевались к обеду?

Да упаси бог! Я всю жизнь босиком хожу дома, в рубашенки какой-нибудь стираной-перестираной, потому что она мягкая и удобная.

Как вы относитесь к популярной идее, что с ходом глобализации нации и страны исчезнут, а вместе с ними и конфликты?

Не думаю, что это так. И нации останутся, и конфликты будут. Мы сейчас видим, что стремление к национальной самоидентификации в разных регионах очень сильное. И в Евросоюзе, и в странах АСЕАН, и в Латинской Америке. И это нормально, потому что любая страна хочет сохранить свое лицо. Так же как любой человек, будь он даже конформист, хочет хоть чем-то отличаться от других, сохранять свое «я». Я думаю, что никогда глобализация к раскачиванию этого принципа не приведет.

Вы не думаете, что это все последний всплеск попыток сохранить идентификацию перед всеобщей унификацией?

Нет, не думаю. Мне кажется, наоборот, глобализация приведет к тому, что каждой нации захочется иметь что-то свое, чтобы отличаться от остальных. Потому что во всех сферах они станут настолько похожи, что захочется хотя бы шляпу носить другого фасона. Я, конечно, не Глоба, но по последним трендам я вижу во многих странах желание свою идентичность сохранить.

Есть ли какой-то международный профессиональный рейтинг дипломатов? И если есть, какое место наши там занимают?

Насчет рейтинга не знаю, но лучшие – наши.